

новый кузов со множеством дизайнерских и технических решений внутри. Следовательно, суть любых **концепт-продуктов** можно попытаться объяснить через лингвокультурологические и философские трактовки понятия «концепт».

Источники и литература

1. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1983.
2. Малявин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. – М.: Дизайн. Информация. Картография; Астрель; АСТ, 2000. – 439 с.: ил. – Предм. указ.: с.426-429.

Валеева Л.В.

СУГГЕСТИВНЫЕ РЕАЛИИ ТЕКСТА: КАТЕГОРИЯ СВЯЗНОСТИ

Современная наука ориентирована на изучение феномена человека. Новые области лингвистической отрасли, такие как когнитология, прагматика, логический и дискурсивный анализ, как правило, представляют работу сознания, воссоздают мыслительные процессы и операции. В современном языкознании уже классифицированы и описаны типы информации, хранящиеся в сознании, их организация и взаимодействие; хотя еще предстоит большая работа по воссозданию, как верно отметила Т.А.Трипольская, исчерпывающей модели когнитивного уровня языковой способности (тезаурусного уровня) [11, с.9].

В последнее время сторонники антропоцентрического подхода к изучению языка стали все настойчивее обозначать особую роль подсознания. Сложность описания заключается в том, что процессы, протекающие на подсознательном уровне, не поддаются осознанию и самоописанию, поскольку даже самосознание протекает преимущественно на подсознательном уровне [9]. Нужны помимо экспериментальных исследований психологов (тем более что исследователи когнитивной психологии давно занимаются дифференциацией человеческой психики на взаимосвязанные уровни сознательное-бессознательное [3]) дополнительные, филологические, способы освоения подсознания. Исследования в области ментальности доказывают, что необходимо инициировать качественно новую область лингвистического видения – систему «сознательное-подсознание-бессознательное».

Одним из аспектов исследования взаимоотношений сознания и подсознания является область воздействия. Существуют виды воздействия на сознание адресата (например, убеждение), которые основаны на информативной и логической аргументации, и существуют виды воздействия на психическую сферу адресата, связанные со снижением сознательности, – заражение, внушение. К последней группе относится суггестивность.

В настоящее время есть разные определения этого вида внушения в зависимости от области научного знания. Литературоведы подразумевают сегодня под суггестивностью и подтекст, и второй и третий планы литературного произведения, и так называемый второй диалог. Социопсихологи обозначают посредством этого термина неосознаваемую психическую активность личности, сложно и неделимо вплетаемую в осознаваемое [1]. В словаре дается следующее определение: *суггестивность* – активное воздействие на воображение, эмоции, подсознание посредством отдаленных тематических, образных, ритмических, звуковых ассоциаций [2]. Суггестивным воздействием считают скрытное навязывание суггестируемому объекту “нужной” информации на фоне потока каких-то других сообщений, а под суггестией (внушаемостью) понимают определенную склонность подчиняться и изменять поведение не на основании разумных, логических доводов или мотивов, а по одному лишь требованию или предложению, которое исходит от другого внушающего лица. При этом сам субъект, подвергнутый суггестии, не отдает себе отчета в такой подчиняемости, продолжая считать свой образ действия как бы следствием собственной инициативы или самостоятельного выбора [8]. В настоящее время суггестивность в языкознании связывают с когнитивной антропологией и медиалингвистикой.

Цель данной работы – определить место тексто-дискурсивной категории связности в системе суггестивных стратегий.

Постановка проблемы. Логика выбора комбинации суггестивность-связность обусловлена тем, что, с одной стороны, эффективность и конструктивность средств текстообразования стимулируют работу сознания с помощью перцептивных или когнитивных рефлексов, с другой стороны, намеренное использование средств суггестивного воздействия может видоизменять и даже деформировать отдельные дискурсы и целые дискурс-системы.

Категория связности представляет собой одну из фундаментальных языковых сущностей, являющихся необходимым условием функционирования любой текстовой или тексто-дискурсивной структуры. Связность является объектом изучения лингвистов в соответствии с программой научной парадигмы, которая разрабатывалась учеными в конкретный период.

Связность квалифицируется как билатеральная категория. С одной стороны, связность формализует, классифицирует и эксплицирует внутритекстовые отношения, с другой стороны, она категоризирует, психологизирует и имплицитует. Современные лингвисты, исследующие способность языка содержать и передавать информацию, оперируют различными дефинициями связности, но в их основе те же два вида – формально-логическая связность (когезия) и смысловая связность (когерентность) [4]. Дискурсивно-текстовыми маркерами когезии являются логичность, причинно-следственные отношения, аргументация и под. Как отмечает Е.А.Селиванова, интерес к формальным способам текстовой связности был инициирован в 60-70-х годах интенсивными разработками в области прикладной лингвистики [10]. Когерентность обращена на проявления антропоцентричности в языке. Так, семантическая связность с помощью приема повторения

одинаковых сем в группах сочетающихся слов формирует топик, или по И.В.Арнольду тематическую сетку текста [10]. Создание топика психологически объяснимо, так как человек всегда стремится к стереотипизации, к тому, чтобы при повторном использовании топика уже не концентрировать свое внимание на декодировании информации. Когнитивный подход к изучению языковых явлений привел научное сообщество к осознанию единства определенного фонда знаний, опыта, памяти и вербальной репрезентации информации. Лингвокогнитивное исследование языка с коммуникативно-прагматической точки зрения вызвало бурный интерес к двум центрам коммуникации – субъекту речи и адресату речи.

Коммуникативный акт обладает внешней (формальной) и внутренней (семантической) устроенностью. Прагматика коммуникативного акта определяется типом ситуации, которая зависит от установки говорящего и должна быть понята слушателем. Суггестия понимается в текстово-дискурсивном ряду говорящий-слушатель как вид вербального/невербального воздействия на адресата, основанного, по мнению М.Р. Желтухиной, не на информировании и логической аргументации, а на внушении [6]. Если можно согласиться с утверждением о несовместимости суггестии и логической аргументации исходя из назначения этого вида внушения, то отрицание вектора информация (информирование) – суггестия довольно спорно.

Во-первых, термин «информация» имеет несколько значений. Под информацией понимается любое содержание, любая номинация объемом от слова до текста, если сообщаются какие-то факты. В работах по теории коммуникации термин «информация» применяется при получении новых сведений о предметах, явлениях, отношениях, событиях. И.Р.Гальперин, анализируя прагматическое назначение текстовой информации, выделил три вида [5]. Содержательно-фактуальная информация эксплицитна по своей природе. Языковые единицы, представляющие такую информацию, употребляются обычно в прямых, предметно-логических значениях. Содержательно-концептуальная информация также опирается на причинно-следственные связи, но учитывается их значимость для отношений, в том числе психологического и эстетико-познавательного характера, между отдельными индивидуумами. Эта информация характеризуется смысловой перспективой, создаваемой соотносительностью исходного, четкого, стереотипного смысла и производного, авторского, метасмысла, который не может быть полностью эксплицирован. Содержательно-подтекстовая информация представляет собой скрытую информацию, которая может извлекаться благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения. Подтекст определяется как нулевой показатель семантического способа связи. В лингвистическом плане подтекст рассматривается как столкновение структур, в результате которого возникают дополнительные оттенки смысла, как передача информации, зашифрованной в потенциальных значениях синтаксических форм [7].

Фактуальная информация требует формальной организации текста-дискурса. Существует модели схем, которые, как всякие модели, в конкретных случаях могут претерпевать какие-то изменения. Повторяющиеся модификации моделей постепенно входят в фонд знаний носителей языка. В этом случае уместно обратиться к явлению рефлексии. «Рефлексия – самая важная, главная, исходная и при этом «интегральная» метаязыковая операция обработки поступающей, текущей информации» [9, с.380]. Наука о языке выработала приемы, которые позволяют воспринимать перцептивные действия одновременно в нескольких плоскостях, но не в противоречии с объективными фактами действительности. Одна плоскость – понимание прямой, тривиальной информации; другая плоскость – субъектно-интенциональная, требующая интерпретации формальной содержательной структуры. В этом случае включается семантическая связность.

Исходное положение лингвистического взгляда на субъектную зону высказывания (подтекст) было выработано еще в 60-е годы прошлого столетия – подтекст можно обнаружить только в связанном тексте. Подтекст запрограммирован автором, задан в самой системе текста, в присущем его жанровой специфике соотношении открытого и скрытого планов передачи информации. Он представляет собой единство различных уровней языка (лексического и синтаксического) и входит в план общекомпозиционных связей [7]. Нередки случаи, когда концептуальная и подтекстовая информации не всеми воспринимаются адекватно. Для того чтобы появились семантические нюансы, дополнительные смыслы, автор должен умело пользоваться языковым инструментарием. Читатель из-за недостаточной начитанности, отсутствия соответствующего опыта в оценке представленной информации и т.п. может не декодировать скрытую информацию, но чаще он воспринимает ее, руководствуясь жизненным опытом, а в последнее время – масс-медиаальными моделями. Вербальные маркеры *можно* – разрешение, *если* – условие, классические перформативы *сообщаю*, *обещаю*, *позволяю* и т.д.; невербальные маркеры – шрифтовые выделения типа разрядки, подчеркивания выражают текстово-дискурсивные намерения автора и входят в инструментарий суггестивных стратегий. В целом расшифровка интенционального смысла носит аналоговый характер. Суггестивные технологии расширяют или сужают информационное пространство, при этом оперируя бинарными ассоциативными контекстами. Например, вопросительные конструкции мобилизуют адресата, так как коммуникативная структура вопроса традиционно включает ответную часть и ориентирована на продолжение акта коммуникации, и в то же время вопрос позволяет увидеть ситуацию с нескольких сторон: общепринятой, стереотипной и индивидуально-авторской, субъектно-интерпретированной. М.Р.Желтухина отмечает, что современные средства массовой коммуникации не позволяют основной массе адресатов воспринимать что-либо непосредственно, без сопоставления с информационным опытом, полученным из многочисленных ток-шоу, «мыльных» опер и под. Суггестивные стратегии формируют ассоциативный ряд, связанный с определенным событием или переживанием, с помощью активизации симптомов удовольствия, приемов контрастности и т.д. В дальнейшем эти ассоциации возникают у читателя бессознательно – устанавливается новая психологическая рамка вокруг содержания какой-либо информационной модели. Намеренно созданные ассоциативные ряды могут быть в любой момент использованы для воздействия на установку отдельной личности или общества.

Выводы. На уровне текста-дискурса отношения суггестивность-связность строятся вокруг информативности. Информация может быть выражена и эксплицитно, и имплицитно. Суггестивность опирается на имплицитные знания – специально созданные ассоциативные ряды вокруг определенной информационной модели.

Источники и литература

1. Альфа и омега культуры. – М.: РАН, 1998 // auditorium.ru
2. Большой энциклопедический словарь. // Суггестивность – mirslovarei.com/content_bes/Suggestivnost-60008.html
3. Брушлинский А. Субъектно-деятельностный и знаково-речевой подходы в психологии // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. – С. 35-55.
4. Валеева Л.В. Текстово-дискурсивная категория связности: проблематика // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Филология. – Симферополь. – 2006. – Т. 19(58). №1. – С.59-65.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
6. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
7. Кайда Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию: учебное пособие. – М.: Флинта, 2004. – 208 с.
8. Майкова С.Е. Внушение как метод психологического воздействия в изданиях общества Сторожевой башни. – <http://www.synergia.itn.ru/iegova/issl/maykova.htm>
9. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
10. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К.-ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.
11. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – 166 с.

Вауліна О.С.

ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧНА, СТРУКТУРНА ТА СЕМАНТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРМІНОЛОГІЇ

Система термінів кожної науки становить певну множинність взаємопов'язаних елементів, які створюють стійку єдність і цілісність, наділену інтегральними властивостями і закономірностями. Кожен термін є результатом розумової діяльності, зокрема діяльності, спрямованої на узагальнення і абстрагування, проте кожен термін, у свою чергу, є знаряддям наукового мислення і пізнання. Зміст терміна з розвитком науки не може не зазнавати змін; він уточнюється, збагачується тощо. Система наукових термінів, наявна в українській мові, укладалася значною мірою стихійно, про що свідчить її склад: тут наявні і загальноновживані українські слова, які зазнали переосмислення, і слова, утворені від українських і запозичених морфем.

У межах термінології існує кілька типів співвідношення компонентів «знак – значення - предмет». Найтипівішим є співвідношення: «один знак – одне значення – один предмет». Це терміни з одним, строго окресленим значенням, однозначно співвіднесеним з предметом. Значення такого терміна характеризує рівень знань про предмет, розуміння ознак, властивостей і зв'язків предмета. Значення терміна і поняття тут збігаються.

Співвідношення «один знак – різні значення – один предмет» у термінології зустрічається найчастіше тоді, коли змінюються знання про предмет, змінюється спрямування уваги, наукового інтересу до предмета, напрям досліджень; коли один предмет є об'єктом дослідження двох або кількох галузей науки; коли є відмінності у класовій оцінці того самого об'єкта.

Співвідношення «різні знаки – одне значення – один предмет» дає дублети у межах однієї або кількох термінологічних систем.

Співвідношення «один знак – різні значення – різні предмети» у термінології відповідає термінам-омонімам.

Кількість значень у загальноновживаному слові залежить у першу чергу від тривалості вживання слова в мові: чим давніше слово, тим більша кількість значення. Досить часто у літературі можна зустріти твердження, що однозначність є найсуттєвішою рисою термінів. Безсумнівно, терміни мають тенденцію до однозначності. Проте однозначність терміна є скоріше результатом певних якостей, а не основною, визначальною його рисою. Термін – це найчастіше іменник, а в межах іменників переважають предметно-логічні фактори значення. Однозначність терміна є надзвичайно важливим фактором вдосконалення тієї галузі науки, в якій він вживається. Для однозначного терміна словникове і контекстуальне значення збігаються: значення терміна в контексті визначається апріорно до контексту.

Оскільки термін має свою дефініцію і саме через неї співвідноситься з поняттям, він у своїй словесній формі містить певну, наперед задану кількість суттєвих ознак даного поняття.